

Two Natures Translated from the Russian by Emily Finer

Emily Finer

Date of deposit	20/08/2016
Document version	Author's accepted manuscript
Access rights	© 2016 the Author. This work is made available online in accordance with the publisher's policies. This is the author created, accepted version manuscript following peer review and may differ slightly from the final published version.
Citation for published version	Finer, E. (2017). Two Natures Translated from the Russian by Emily Finer. Inventory, (7).
Link to published version	https://www.princeton.edu/ihum/reading-groups/inventory/

Full metadata for this item is available in St Andrews Research Repository at: <https://research-repository.st-andrews.ac.uk/>

St Andrews Research Repository

1) Introduction

Jews were over-represented among the soldiers serving the Russian Imperial Army in World War One, but they were also the targets of antisemitism in the form of stories about cowardice, treachery, and sabotage. Not only were these rumours fed by cartoons and polemics circulating in the popular press, theories of racial inequality can be found in textbooks used in officers' training schools. Meanwhile, the Jewish population of the Pale of Settlement found itself on both sides of the front line, subject to persecution and forced resettlement. Cultural figures in Petrograd were aware of the refugee situation and felt that antisemitic attitudes were unjust and old-fashioned. In 1916, Maxim Gorky, Fedor Sologub, and Leonid Andreev published an anthology, *The Shield*, aimed to counter prejudice and to propagate their views that Jews were essential to Russia and its modernisation. The anthology included essays exploring the historical and cultural roots of Russian antisemitism and short stories which enlisted satire to expose hypocritical attitudes. A selection of prose from the anthology was published for an American audience in 1916 and is available online; however, much of the collection has yet to be translated into English. In 2016, when wars still create refugee crises and humour is rarely used to combat antisemitism, it seemed relevant to translate a story by the popular writer, Teffi (Nadezhda Alexandrovna Lokhvitskaya, 1872-1952). Extracts of this translation of *Two Natures* have been broadcast on the BBC's *The Cultural Front: World War One*.

The story's satirical intent poses few difficulties and it is amplified by the application of the Orthodox Church doctrine of the two (divine and human) natures of Christ to this particular patient. Readers should, however, be aware that Teffi's hospital nurse exposes her class aspirations by her frequent use of French. In the original, her jumbled French is spelled phonetically in the Cyrillic alphabet, a choice implying a strong Russian accent.

2) Translation

Two Natures – A Story (Teffi, 1916)

The infirmary had begun to smell of sheepskin and boots again. This meant the latest wounded men had been brought in.

Anna Pavlovna, the head matron (there were 37 second-class nurses besides), sat on a stool near the operating room, shouting down the telephone receiver:

“Maria Petrovna! *Venez vite!* Come quick! They’ve brought in the wounded. There’s something very pleasant and something very unpleasant. *Venez quick!*”

Anna Pavlovna was worried. Her eyebrows, which she had traced with a burnt matchstick, formed tragic commas under her fluffed-up fringe. Her corset creaked with each heavy breath. Anna Pavlovna tried to take herself in hand and to stop thinking about the very unpleasant something. It would surely get sorted out somehow or other. But it was complicated.

She beckoned to the clerk:

“Listen, Pavel Il’ich. How could it have happened? Do you know what’s happened? We’ve got a Jew...”

“What?”

“A Jew, that’s what. There’s a Jew turned up among the new wounded. Well I never. They picked him up at the aid post.”

“So what? Why are you so worried? I don’t get it.”

“You’re really asking me what I’m worried about? Now, if you don’t mind, I don’t get what *you* mean.”

The clerk glanced at her reddening cheeks, at her eyebrows in their tragic commas, and his eyes softened. He changed his tone.

“I suppose I do get it... it’s very inconvenient, particularly for our infirmary, when everyone’s in the same...”

“Anna Avgustovna has promised to drop in tomorrow and she’s going to get a surprise!”

“Merciful God, we’ll get round it somehow. And did I really hear that they’ve sent us a cavalry soldier with a George Cross?”

Now it was Anna Pavlovna who softened:

“Yes indeed my dear. Imagine! I have half a mind to go and thank the colonel myself. After all it’s a remarkable honour for our infirmary. We’ll have to put him somewhere where he can be seen, so that if someone comes for a visit he can be seen straight away.”

“How about Ward 1? By the door?”

“You’ll have to make sure that they screw the light bulb back in.”

“Right away, right away, we’ll sort it out.”

Maria Petrovna walked in. Indignation over the Jew contorted her face so that she looked like a startled giraffe.

“*C’est affreux.* Someone’s playing a trick.”

But when she found out about the patient with the George Cross, she joyfully bared her long yellow teeth.

“We’ll get our photo taken with him afterwards, all of us together.”

Anna Petrovna’s corset creaked in a quiet, mellow manner. Then the wounded were brought through from having their dressings.

“Which one here has the George Cross?”

"That little swarthy one, over there," answered the nurse. The patient with the George Cross was short, with a haggard, clean-shaven face. Rather than walking on his own, he was being dragged along on the back of a hefty orderly.

"What's wrong with him?"

"Foot amputated"

"Oh the poor, poor, thing!"

Anna Pavlovna began to bustle about, rotating several times on her axis before running over with Maria Petrovna to get the patient with the George Cross settled.

"Are you comfy there my little dove?"

"Thanks," the patient answered thickly.

"Look, you've got your very own light bulb, a little table, everything you need. Do you smoke? Maria Petrovna, *cherie, apporte* him a cigarette. We'll need to get him a wider mattress so that he can be more comfy. Poor old thing, to have his foot amputated."

Then they started to ask how he got his George Cross.

The patient told his story listlessly, simply. Every part of his story seemed plain and ordinary.

His commanding officer was wounded. He put him on to his back and carried him away. Carried him out under fire to a safe place. Got wounded himself on the way, in the leg. Wasn't so painful so he kept going. Got the commander back and collapsed. Wasn't in pain, just a bit weak. Then, in Warsaw, his foot got worse and they cut it off. Doesn't hurt anymore.

"Now that's proper heroism," said Maria Petrovna feelingly, and she shook her giraffe-like head. "He doesn't even understand what it was that he did."

"Right," said Anna Pavlovna, sighing dramatically. "It's like in the Gospels. They know not what they do. Now that's the greatness of the Russian soul! You're with us now, dearie. You'll quickly be back to rights. We'll fatten you up for the slaughter."

"For the slaughter?" the patient said, slowly and sadly.

"That's right, that's right! We'll do what needs to be done to put you back to rights. *Il ne kompranpa*. He's obviously from the south."

"Must be. And he's got a yokel accent. What's your province, little soldier?"

"It's Mogilevskaia"

"And what's your name?"

"Yossel Shniper"

"What?"

"Wha-at?"

"It's just the way he's pronouncing it. Quickly, please God, show me his chart."

Anna Pavlovna had the chart and read aloud in a hissy whisper:

"Yossel Shniper. Yossel. Denomination. Judaic. Lord! What on earth? What is this nonsense? Who dared to put Shniper here? Who gave the order?"

"What do you mean, who? You did!"

"Me? You're out of your mind. I said to put the patient with the George Cross here and you..."

"But he is the one with the George Cross!" the orderly mumbled in fright.

"Him! Shniper?"

Raising her hands in helpless dismay, Anna Pavlovna wiped the sweat from her forehead.

“We’ll just have to sort it out later. We don’t need any of these malingerers here.”

She left the ward with great bearing and even slammed the door.

But her soul was troubled. And she really couldn’t imagine how was she was going to “sort it out later”.

“Doctor!” She grabbed a doctor who was walking past. “Doctor! Tell me honestly – that Jew is malingering, isn’t he? I’m right, aren’t I?”

“How on earth could he be malingering?” asked the doctor, somewhat taken aback. “He’s had his foot amputated.”

“That’s what I mean, the foot – perhaps he’s faking it?”

Anna Pavlovna put her hands together as if in prayer; she looked at the doctor so piteously, so full of hope and supplication, that he became flustered.

“I’m sorry Anna Pavlovna but I don’t understand any of this. You seemed to be so delighted to be getting a patient with a George Cross.”

“But it’s dreadful, doctor! My dear, it’s just dreadful! Don’t you see? That patient has got two natures. Don’t you see? We gave a cigarette to a patient with a George Cross but it’s a Jew who’s smoking it. We put aside our best bed for the patient with a George Cross but it’s a Jew who’s lying on it. After all...After all... it’s *ce qu’on appelle*...what is it called? Fate is punishing me for my kindness.”

She sat down on the chair, covered her face with her hands, and creaked her corset pitifully.

The Doctor wanted to say something but he thought better of it, sighed, and left quietly.

And what, after all, would *you* have said in his place, to someone whom fate was treating with such stark injustice?

3) Original

Dva estestva (rasskaz), Teffi (1916)

Два естества (рассказ)

В лазарете снова запахло овчиной и сапогами — это, значит, привезли новых раненых.

Анна Павловна, главная патронесса (кроме главной, было еще тридцать семь второстепенных), сидела на табуретке около операционной и кричала в телефонную трубку:

— Марья Петровна! Вене вит, поскорее! Ну, завон де раненые. А кроме того, надо посоветоваться. Есть одна большая приятность и одна большая неприятность. Словом, вене поскорее!

Анна Павловна волновалась. Подведенные спичкой брови сдвинулись трагическими запятыми под взбитой челкой. И корсет скрипел от тяжелых вздохов.

Анна Павловна старалась взять себя в руки и не думать о неприятности, которая, в конце концов, как-нибудь да уладится же. Но было тяжело.

Подозвала секретаря.

— Слушайте, Павел Ильич. Как же это так? Вы знаете, что случилось? У нас еврей...

— Что?

— Еврей, вот что. Среди новых раненых попался еврей. Нечего сказать, удружили на пункте.

— Да чего же вы так волнуетесь, я не понимаю?

— То есть как так, чего волнуюсь? Теперь позвольте мне сказать, что я вас не понимаю.

Секретарь посмотрел на покрасневшие щеки, на трагические запяты, и в глазах у него мелькнуло что-то. Он переменял тон.

— Ну, само собою разумеется... это очень неудобно, особенно в нашем лазарете, где все вообще...

— Завтра обещала заехать сама Анна Августовна, и вдруг сюрприз!

— Ну, Бог милостив, как-нибудь обойдется. Зато я слышал, что нам прислали Георгиевского кавалера?

Анна Павловна размякла.

— Да, дорогой мой! Представьте себе! Прямо хочу поехать сама поблагодарить полковника. Это уж его исключительная любезность к нашему лазарету. Нужно будет этого самого кавалера как-нибудь на виду положить, чтоб сразу видно было, если кто посетит.

— В первую палату, около дверей.

— Только распорядитесь, чтоб там лампочку привернули.

— Сейчас, сейчас все устроим.

Пришла Марья Петровна. Изобразила всем своим лицом удивленного жирафа негодование при известии об еврее.

— Сетафре! Это чей-нибудь подвох.

И обнаружила радостью длинные желтые зубы, узнав о Георгиевском кавалере.

— Мы потом с ним все вместе снимемся.

Анна Павловна скрипела корсетом тихо и благостно. Из перевязочной повели раненых.

— Который тут Георгиевский кавалер?

— Вот этот черненький, — отвечала сестра милосердия. Георгиевский кавалер был маленький, с изможденным бритым лицом и шел не сам, а тащил его на спине дюжий санитар.

— Это что же с ним?

— Ступня ампутирована.

— Ай бедняга, бедняга!

Анна Павловна засуетилась, повернулась несколько раз на собственной оси и побежала вместе с Марьей Петровной устраивать кавалера.

— Тут тебе, голубчик, удобно?

— Спасибо! — тускло отвечал кавалер.

— Видишь, у тебя тут и лампочка, и столик, и все. Ты куришь? Марья Петровна, шери, апорте ему папирос. Нужно будет достать для него матрац шире, чтоб ему было удобнее. Бедненький, ступня ампутирована.

Стали расспрашивать, как он получил Георгия.

Кавалер рассказывал вяло, просто. И все в его рассказе казалось простым и обыкновенным.

Ранили командира. Он взвалил его себе на спину и понес. Вынес под огнем в безопасное место. По дороге сам был ранен в ногу. Не очень больно было, и он все шел. Донес командира и сам упал. Только не больно было, отчего-то ослабел. А потом нога разболелась, в Варшаве ее и отрезали. А теперь уж ничего.

— Вот искренний героизм, — прочувствованно затрясла Марья Петровна своей жирафьей головой. Он даже сам не понимает своей заслуги.

— Да, — усиленно вздыхала Анна Павловна. — Это по Евангельски — не ведает бо, что творит. Удивительное величие русской души! Ты у нас, голубчик, скоро поправишься. Откормим тебя на убой.

— На убой? — печально протянул кавалер.

— Ну да, ну да! Как следует поправим. Иль не компран па. Он, очевидно, южанин.

— Наверное. И говорит с хохлацким акцентом. Ты, солдатик, какой губернии?

— А Могилевской.

— Как тебя зовут?

— Иосель Шнипер.

— Что?

— Что-о?

— Он не так выговаривает. Покажите, ради Бога, скорее его листок.

Анна Павловна держала листок и читала свистящим шепотом:

— Иосель Шнипер... Иосель... вероисповед... иудейского. Господа, что же это? Что за ерунда? Как вы смели сюда Шнипера положить? Кто распорядился?

— Как кто? Да вы же сами.

— Я? Вы с ума сошли! Я сказала Георгиевского кавалера, а вы...

— Так он же и есть Георгиевский кавалер! — испуганно лепетал санитар.

— Он? Шнипер?

Анна Павловна беспомощно развела руками и вытерла вспотевшей лоб.

— Ну это мы там, потом разберем. Нам тоже симулянтов не надо. Она с большим достоинством вышла из палаты и даже хлопнула дверь. Но на душе у нее не было спокойно. И как она «потом разберет», она совсем себе не представляла.

— Доктор! — ухватилась она за проходившего мимо врача. — Доктор! Скажите откровенно, ведь этот еврей, наверное, симулирует. Неправда ли?

— Да что же тут симулировать-то? — несколько опешил доктор. — Ведь нога-то у него ампутирована.

— Ну, да. Вот эту самую ногу-то, может быть, он все-таки как-нибудь симулирует?

Анна Павловна молитвенно сложила руки и смотрела на доктора так жалобно, с таким упованьем и мольбой, что тот окончательно растерялся.

— Простите меня, Анна Павловна, но я совсем ничего не понимаю. Вы же сами так радовались, что у вас Георгиевский кавалер.

— Как это все ужасно! Доктор, милый, как это ужасно! Вы поймите! Ведь у этого солдата два естества. Вы поймите! Мы дали папирос Георгиевскому кавалеру, а курит их еврей! Мы поставили почетную кровать для Георгиевского кавалера, а на ней развалился еврей! Ведь это же... ведь это же се кон апаль засиме!... И за мою же доброту судьба меня же и наказывает!

Она опустила на стул, закрыла лицо руками и жалобно заскрипела корсетом.

Доктор хотел что-то сказать, подумал, вздохнул и тихо вышел.

Что тут скажешь, раз судьба так явно несправедлива к человеку?